

Ментальные миры современного российского населения (статья вторая)¹

Борис Фирсов

доктор философских наук, главный научный сотрудник
Европейского университета в Санкт-Петербурге

Первая статья под указанным выше заголовком была опубликована «Телескопом» в 2003 г. Ее тема – новая концепция изучения ментальности [1]. Там же, а следом еще в одной работе [2], я попытался встроить познание ментальности, *terra incognita* для отечественной социологии, в процесс изучения современной России. Теоретический анализ феномена ментальности позволил предложить исследовательскую модель. Модель исходит из того, что в обществе сформировался западнический сегмент, который связывает желательный вариант государственного и общественного устройства с демократией и рынком. Однако решающего перевеса над самобытностью либеральная идея не получила. Россия по-прежнему остается “Миром миров” (М.Гефтер), что находит свое отражение в гибридной ментальности. Главная идея второй статьи – отслоения социальной истории в ментальности и влияние ментальности на особенности исторического процесса.

Предисловие: возвращаясь к дефинициям

Активное введение в научный оборот современных представлений о ментальности имело место лишь в период перестройки. Тогда же пришлось признать, что категория, открывавшая путь к нюансам духовной жизни, к тайнам сознания, не обладала необходимым пиететом в глазах представителей социальных наук. Статьи о ментальности нет во втором, послевоенном издании “Большой советской энциклопедии”. То же можно сказать о “Словаре иностранных слов” (М., 1988, 17-е издание, исправленное), в подготовке и выпуске которого принимали участие головные институты АН СССР гуманитарного и социального профиля.

Пересмотр отношения к важному научному понятию начался с выхода в свет в 1989 г. советско-французского труда - книги «50/50. Опыт словаря нового мышления». Знаковую статью «ментальность» написали два российских и один французский историк. А.Гуревич [3, с.454-455] акцентировал три важных свойства ментальности. Во-первых, эта «живая, изменчивая и при всем том обнаруживающая поразительную устойчивость константы магма жизненных установлений и моделей поведения, эмоций и настроений» опирается на глубинные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции. Во-вторых, ментальность общества не монолитна: в реальности она распадается на сложный конгломерат религиозной, национальной, номенклатурно-бюрократической, тоталитарной, сервилитской, сциентистской и иных ментальностей, далеко не всецело, обусловленных социальным строем и производственными отношениями. В-третьих, когда мы говорим о ментальности, то имеем в виду не какие-то вполне осознанные и более или менее четко формулируемые идеи и принципы, а тот конкретный смысл, который в них вкладывается людьми. Далее он предлагает обобщенную метафору ментальности. Это - в принципе неисчерпаемая *картина мира* в голове человека: «вселенная» представлений о личности и социуме, о свободе, равенстве, добре и зле, о власти и правителях, праве и труде, о семье и сексуальных отношениях, о ходе истории и ценности времени, о смерти и душе, своем и чужом, насилии и чести. Именно она (многомерная картина), будучи унаследованной от предшествующих поколений и непременно

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Катрин Т Макартуров (грант # 04 – 81346 – 000 GSS)

изменяющейся в процессе общественной практики, программирует человеческое поведение.

М.Рожанский [3, с.460-461] аргументировал известную суверенность ментальности индивида (группы) по отношению к идеологическим образованиям, общественному мнению, политике. Идеологизированные научные схемы отдавали сознание в полную власть «единственно верного» исторического пути и связанных с ним догм. На науку в этих условиях возлагалась обязанность быть проводником этих догм, а рядовому человеку предлагалось быть пассивным объектом их индоктринации и пропаганды. Базовый термин этой квази-парадигматики – «сознательность» – означал отсутствие самостоятельного, индивидуального взгляда на мир.

Взгляды россиян-историков несут на себе печать «перестроечной» ментальности и относятся к временам, когда предпринимались особые усилия для того, чтобы не только на практике, но и в теории отринуть манипуляционные концепции и проложить путь на деле и на словах к самосознанию личности, к правде и реализму ее интересов, закрепить принципы свободы и демократии. Третий автор - французский историк М.Вовель обозначил опасность чрезмерного подчеркивания автономности ментальных структур [3, с. 457-458]. В этом случае возникает «соблазн» преодоления дефицита объяснительных моделей за счет психиатрии, путем погружения в глубины бессознательного.

Соглашаясь с этим предостережением, добавлю, что социология, социальная психология, история, культурная антропология не могут игнорировать в исследованиях ментальности роль широко понимаемого социального контекста. Порождение ментальности, в конечном счете, обусловлено конституирующим устройством группы, долговременностью условий ее существования, историей; специфическими функциями образования и воспитания - «*трансляторов*» менталитета, сообщающих его новым членам группы в виде исходно сознательного мыслительного багажа [4, с.95, 99].

Взаимосвязь социальной истории и ментальности.

Аргументируя этот тезис, позволю себе вернуться к ранее напечатанному [1, с.5]. Одна из важных черт российской истории - наслоение разновременных политических, социальных, социокультурных структур. В этой толще гаснут любые импульсы перемен, на любой тип действия находится свой тип противодействия, своя форма мимикрии, приспособления к внешним обстоятельствам. Ссылаясь на Ю.Леваду, я напомнил о том, что в современной России имеет место периодическое накопление нереализованного потенциала нескольких поколений, принудительно оказывающихся в одном времени, которое они не могут назвать «своим». Так возникают очаги молчаливого сопротивления, которое опирается на инерцию ментальности, не способной к перекраиванию картины мира синхронно с общественными преобразованиями и переменами, в какой бы форме (революция, исторический перелом, рывок в развитии, «большой скачок», реформы и т.д.) они ни выступали. Здесь вступают в силу долговременные ментальные структуры («темницы долгого времени», по Ф.Броделю), которые более всего противодействуют изменениям и сохраняются при смене поколений.

Ситуацию проясняет философ В.Кантор. Существует устойчивая легенда, близкая по своей природе к мифу, что именно «наше» время переходное, но «прежняя» Россия была «всегда» стабильной, нашедшей себя, целостной и гармоничной. Было ли так когда-нибудь? - спрашивает В.Кантор и отвечает. Такого не было 10 с лишним лет назад

на заре горбачевской перестройки. Не могло быть и в пору брежневского застоя, который оказался ни чем иным как перерождением, распадом и разложением советской системы. Переходным оказался хрущевский период, вобрав в себя разоблачение сталинских репрессий, возвращение миллионов узников из концлагерей, попытки вернуться к «ленинским нормам партийной жизни», а заодно обогнать США «по производству мяса, масла и молока на душу населения». Перетряской всей страны была эпоха сталинской коллективизации и индустриализации. Из огня да в полымя швыряли народ продразверстка и НЭП. Не назвать страну стабильной и целостной в период между двух революций и на рубеже XIX и XX веков (не говоря уже о самих революциях). Переломными эти годы называли современники, видя, как капитализация России видоизменяла страну. То же придется сказать о пореформенной России второй половины XIX века, когда, по словам Л.Толстого, «все переверотилось» и никак не могло уложиться. Таковыми были царствование Петра I, и период раскола при Алексее Михайловиче, и «смутное время», и период от Ивана III до Ивана IV. Наконец, удельная раздробленность, крещение Руси, время становления русской государственности (862 г.) – все указывает на постоянные изменения и замену одного качественного состояния другим [5, с.255-256].

Переходность является константой российской истории, - так завершит свой тезис В.Кантор. Мне показалось важным сделать подробную ссылку на его работу и показать, что испокон веку Россия была поставлена перед необходимостью поиска своей самоидентичности в условиях постоянной смены действий и декораций на сцене, где разыгрывалась ее историческая драма. Как следствие – многовековая неустойчивость культурного равновесия и постоянное *перенапряжение* ментальности под влиянием постоянно изменяющихся смыслов жизни, ценностей, реалий окружающего мира.

«Все процессы и фазы истории в России медленнее должны бы протекать», - заметит Г.Гачев и обоснует важный для нас тезис, обосновывающий вечную власть переходности несовпадением шага Пространства и такта Времени [6]. Народ российский «тяготеет к «натуральному развитию медленным шагом времени», а государство живет испокон веку со словом «ускорение» на устах, чему всегда, изначально сопротивлялся склад мышления народа, Русский Логос. Потому так трудно и долго ищется и не находится что-то четкое и повисает в воздухе истории нескончаемыми вопросами.

Гигантская работа себя над собой, работа, которую представляет собой жизнь - так образно охарактеризовал механизм функционирования ментальности французский историк М.Вовель [3, с.459], желая подчеркнуть, что смена картины мира, носителем которой является человек, требует усилий, связана с борьбой за себя и «свой образ».

Два примера покажут, каким образом осуществляется эта работа в условиях постоянных и спорадических перемен.

(1) В книге мемуаров Г.Померанц рассказывает о своем учителе в студенческую пору, доценте ИФЛИ Л.Пинском. Все время их знакомства и дружбы, больше сорока лет, Пинский бился как лев, в клетке, которую сам себе построил. И после вымершей деревни, куда его забросила судьба с приказом партийной власти освещать ход коллективизации, и после кошмара 1937 года он еще долго сохранял верность марксистской идее, решительно отрицая опыт ее применения. Сперва он был один, потому что друзья закрывали глаза и не имели мужества смотреть в лицо страшной правде, потом он снова был один, потому что друзья привыкли к обойме Маркс - Энгельс- Ленин- Сталин и

выкинули ее сразу всю. Померанц продолжает: «Наш исторический опыт, - говорил мне Пинский, - один из черновиков истории. Почему надо думать, что новый строй сразу найдет свою форму? Капитализм возник после нескольких черновиков. В Италии он провалился, а потом процесс начался заново в Голландии, в Англии... Пинский не выходил из кризиса полвека. Это было мучительно, как медленная казнь. Расставание с верой всегда тягостно. А марксизм мог быть верой и верой благородной. Я этому свидетель. Я видел заход кровавого солнца революции, восход которого когда-то приветствовал Гегель» [7, с.50].

(2). Уместным мне показался коллективный пример – ретроориентация массовых взглядов, охватившая население страны, едва ли не общенациональная по своим масштабам ностальгия по недавней эпохе стабильности, благополучия, социального равенства. Сошлюсь на результаты исследований общественного мнения, опубликованные газетой «Известия» 29 ноября 2003 года:

-Январь 2003 г.: только 14% населения России считает, что при коммунистах им жилось бы хуже (ВЦИОМ-А, ныне Левада-Центр).

-Март 2003 г.: от 54% до 57% наших граждан в целом положительно оценивают роль Сталина в истории страны (ФОМ и Левада-Центр).

-Июнь 2003 г.: 77% опрошенных убеждены, что следует пересмотреть итоги приватизации, а 74% считают, что в России нельзя заработать деньги законным путем (РОМИР-мониторинг).

-Ноябрь 2003 г.: лишь 19 % населения России хотели бы жить в обществе индивидуальной свободы; а 81% предпочитают общество социального равенства или затрудняются с ответом (ИКСИ РАН).

- Ноябрь 2003 г.: за последних 4 года число тех, кто ощущает себя проигравшим от реформ, увеличилось с 49 % до 61%, а 54% убеждены, что Россия движется в тупик (ИКСИ РАН).

Приведенные выше реакции общественного мнения являются коллективной рефлексией очередного неудачного сценария развития постсоветской истории. Обращение к понятию ментальности позволяет подтвердить факт, согласно которому «в России все времена существуют одновременно». По воле исторических обстоятельств ментальность традиционная (российская) здесь должна «уживаться» с ментальностью советской и тем, что мы начинаем воспринимать как ментальность постсоветского времени. Их далеко не притертые, часто конфликтные и даже воинственные отношения – плата за превосходящую человеческие силы глубину кризиса, за «безграмотные черновики» истории», по которым страна и ее народ продолжают жить и по сей день.

Переход к «беловому варианту» представительной демократии и свободного предпринимательства протекает в болезненной форме. Их ускоренная пересадка в российскую почву сопровождается появлением уродливых и опасных явлений, против которых социальный организм не имеет надлежащего иммунитета. Это – межнациональная вражда, антисемитизм, бюрократическое попрание прав граждан, судебный и административный произвол, коррупция, рост экономической и уголовной преступности, терроризма. Во многих звеньях социального организма происходит «сбой» программ разви-

тия общества с заменой «знака» (плюс функциональности меняется на минус дисфункциональности). Историки заметили, что ментальность есть национальное (групповое) достояние, защита которого должна объединять людей. Не случайно дело Дрейфуса в конце XIX в. раскололо Францию больше чем, религиозные и классовые противоречия того времени, и стало причиной политического кризиса в стране [4, с. 46-47]. Отсюда дихотомия «своей» и «чужой» ментальностей, которые могут оказаться антиподами и антагонистами.

Более тонкая и скрытая игра, имеющая своей целью сохранить статус кво, не прибегая к прямому противодействию, конфронтации сторон и к силовой борьбе за победу интересов также опирается на разные виды *ментальной симуляции*. Подчеркну историческую изменчивость ее форм. Ныне открытая демонстрация преданности делу коммунистической партии на основе двоемыслия уступила место стремлению имитировать ‘стабильность, уверенность, решимость, успехи, высокое доверие к власти, в первую очередь ее главного носителя – президента.[8, с.8-9]. Двоемыслие было необходимым условием выживания в условиях авторитарного режима, за ним стояло едва ли не полное отчуждение личности, разорванность ее социальной и индивидуальной, и частной жизни. Оно избавляло от необходимости предъявлять какие-либо требования к режиму и тем более вступать в борьбу за его изменения. Это был особый тип снижения индивидуальных рисков, направленный на сохранение жизни, спасение от преследований, одним словом, безопасность.

В наше время роль двоемыслия заняла имитация. Это интеллектуальное «know how» («использование формы вывески, слов, лишенных реального содержания»), как опередил его Ю.Левада) стало знаковым для переживаемого периода истории. В таком качестве оно оказалось приложимым ко всем явлениям социальной жизни, включая те, что являются противоположными по своему смыслу, направленности, модальности. Имитировать можно и либеральные перемены и отказ от них в пользу государственной монополии; сохранение демократических принципов и стремление к авторитаризму; уважение к правовым институтам и сохранение «телефонного права»; сближение с Западом и отгораживание от него [8, с.8]. Имитация легко и надежно обнаруживается едва ли не во всех сферах и на всех уровнях общественной жизни страны. Обращает на себя внимание массовость явления и его высокая политизированность. Легкий политический флирт с либералами по поводу возможных перемен не эквивалентен отказу от этих перемен «всерьез». Имитация демократии и демократических перемен сильно проигрывает «подлинному искусству», с которым власть, Президент страны возвращаются к авторитаризму. Имитационный характер поддержки бизнеса становится заметным на фоне «настоящего» преследования олигархов.

Она превратилась в особое средство снижения социальных рисков с целью торможения радикальных перемен. По аналогии с двоемыслием, это тоже «щит безопасности». Власть, к примеру, с его помощью укрывается от ответов на главные вопросы развития страны. Потому не в индивидуальном, а в обостренном социальном смысле, имитация заключает в себе опасность сохранения неопределенности, не боюсь сказать, стагнации тем, что мешает обществу осуществить, не имеющий исторического прецедента, «выбор типа политического режима, экономического строя, спектра социальных гарантий, наконец, места в мировом сообществе» [8, с.9].

Если повсеместно наблюдаемую имитацию социальных перемен наделять смыслом культурной мотивации, то это поможет вскрыть фундаментальное противоречие нашей

социальной и ментальной жизни, состоящее в том, что попытки легитимизировать новую демократическую идентичность имеют место на фоне энергичных усилий, направленных на создание новых версий обветшалой авторитарной традиции.

Сама возможность обходиться без черновиков истории кажется сомнительной. Ситуация середины 90-х гг. побудила А.Синявского сказать о том, что из советского, целесообразного космоса мы попали в хаос и не знаем толком, во что нам верить. «Утрачен смысл жизни нескольких поколений. Получается, что они жили и страдали напрасно. Ведь нельзя же верить в зарю капитализма, да еще такого дикого, похожего скорее на уголовный беспредел» [9, с.404]. Еще один «черновик»?

Однако закономерному финалу советской цивилизации, всем ужасам и потерям, которые начнут с определенного момента сопровождать ее движение в историческом времени, предшествовал период, когда мир в восприятии советского человека стал целесообразным и даже способным эту целесообразность диктовать другим. «Идея, побеждая, подверстывает к себе жизнь всего народа и общества и перестраивает мир по своему подобию» [8, с.43]. Результаты преобразований вызывали у людей чувство превосходства («Битвы революций посерьезнее Полтавы и любовь пограндиознее онегинской любви», В.Маяковский). Еще одна массовая реакция - ощущение полноты жизни в мире разума и порядка, какого еще не бывало в истории. Сошлюсь на мировосприятие писателя и философа Александра Зиновьева, относящееся к самым светлым по иллюзиям и надеждам 30-м годам. «Вступая в комсомол, я думал посвятить свою жизнь борьбе за такое идеальное коммунистическое общество, в котором будет торжествовать справедливость, будет иметь место социальное и экономическое равенство людей и все их основные потребности в еде, одежде и жилье будут удовлетворены... Идеи коммунистического общества как общества идеального коллективизма захватили тогда мое воображение и мои чувства. Они соответствовали принципу открытости мысли и жизни, который я унаследовал от матери, коллектив стал играть для меня роль фактического воплощения некоего высшего существа (Бога), который видит твои мысли и поступки и оценивает их с абсолютной справедливостью» [10, с. 104]. Главным здесь было сознательное приобщение к строго продуманному плану бытия и возможность найти себе и всему определенное место в грандиозном проекте, к реализации которого приступила страна. Остается добавить, что пускают корни в обществе по преимуществу лишь те стороны идеологии, которые находят себе почву в ментальности, перерабатываясь вместе с нею.

Не в пример периоду советской истории 30-х годов радикальные изменения 90-х годов XX века, о которых писал А.Синявский (процесс образования Российской Федерации, весьма близкий по масштабам к социальной революции), не стали мощным источником обретения смысла жизни. Вопрос: «Зачем жить?» остался и по сей день открытым, а новая Россия не получила исчерпывающего объяснения. Русская тоска по смыслу жизни вновь заявила о себе, отразив ностальгию народа по времени, когда ему лучше жилось, чем живется сейчас. Это обстоятельство фиксируется в «непродвинутой ментальности» (категория предложена Р.Гальцевой для обозначения духовных и душевных барьеров на пути исторически неизбежных перемен) [11-2].

Здесь впору напомнить, что роль культуры в условиях советской цивилизации была заниженной, вторичной по отношению к экономике и политике. А.Синявский назвал советскую цивилизацию не дорастающей до культуры, с уклоном в техницизм, спорт, учет и контроль [9, с.72]. Несмотря на возвышенный характер лозунгов о воспитании

новых граждан, восторжествовал утилитаризм с его главным нормативным требованием к человеку - *энергично функционировать*, быть, прежде всего, полезным делу революции. Утилитаризм в полной мере распространялся на институты общества. Советская цивилизация всегда испытывала дефицит культурных ресурсов. Мне импонируют слова В.Найшуля, который в одном из своих сентябрьских (2004 г.) интервью, подхваченном волнами Интернета, заявил: «Конечно, могут сказать, что СССР грубо и топорно развивал культурное строительство – создавал советского человека, в чем отчасти и преуспел. По крайней мере, все мы – дети Леонида Ильича Брежнева и его школьной программы».

Потому и проходило разрушение советской системы болезненно. Имевший место формационный сдвиг привел к глубочайшему культурному разрыву [12, с. 206-208]. Пожалуй, важнейший показатель этого разрыва - утрата советским доктринальным марксизмом, казалось, навечно самоприсвоенного статуса политической идеологии советского общества. Вследствие чего он перестал быть универсальной интерпретационной схемой, на основе которой регулировали буквально все проявления человеческой активности. Распад привычной картины мира на экранах советской ментальности, повлек за собой массовую дезориентацию, утрату идентификации на всех уровнях – индивидуальном, групповом, на уровне общества в целом. Не только окружающий мир перестал быть прозрачным, знакомым для человека, но и человек – для самого себя. Второе следствие – синхронный с утратой идентификации поиск новых образцов и моделей с целью восстановления целостной картины мира, пусть изменившейся, совсем не той, чем раньше, но равным образом понятной и упорядоченной, как прежде. Но именно эту целостную, непротиворечивую картину мира, адекватную изменившимся социальным обстоятельствам и условиям развития страны, российский человек не может построить, как не может современное российское общество создать на основе консенсуса каркасы общенациональных ценностей, не только согласованных с ценностями и нормами и мировой цивилизации, но и примиренных с социально-культурными доминантами (архетипами) досоветского и советского периодов.

«Русская картина мира!» Это что? Как мир выглядит из России? Или – как Россия «видит-понимает» себя? Такие нелегкие вопросы задал себе Г.Гачев и ответил со ссылкой на «*энтелехию*» - «целевую причину, которая (согласно Аристотелю) обозначает суть и форму данного явления и действует весь срок его существования, от начала и до конца, от причины и до момента достижения цели [6]. . Энтелехия России, заключил Гачев, и есть то, что ищут определить как «Русскую Идею».

Мы имеем основания для того, чтобы вступить на почву русской (дореволюционной, советской, постсоветской) идеологии, которая в полной мере отразит обостренное самосознание и самопоглощенность нации исторической миссией страны, а также поиски и крах учения, претендовавшего на исчерпывающее объяснение истории, но упрямо пренебрегавшего всеми неудобными фактами реальной жизни [13, с.335-336, 346]. Но для этого придется принять сбалансированное представление об идеологии. Избежим опасности употребления этого слова с чувством открыто демонстрируемой неприязни, которую испытывал Наполеон к *ideologues* (*идеологам*, фр.) - эмпирикам и позитивистам своего времени; отбросим и другую крайность – сталинское правило повторять, буквально вдалбливая одну и ту же санкционированную им истину любыми средствами и по любому поводу [13, с.350-351]. Вырвав понимание идеологии из рук своенравных властителей, мы попытаемся встать на научную точку зрения.

Русская (советская) идеология как транслятор ментальности

Наш соотечественник, социолог Н.Тимашев, разделивший эмигрантскую судьбу вместе с П.Сорокиным, одну из своих последних работ посвятил кризису советской идеологии в послесталинское время [14]. Он предложил использовать этот термин для обозначения системы прочно сложившихся и широко распространенных взглядов на должное и желательное в жизни общества. В указанном смысле идеология могла быть консервативной, реакционной, прогрессивной или революционной. Естественным было считать, что в данной стране может господствовать одна идеология, или же их может быть несколько. Примеры, которые привел Н.Тимашев в своей статье, показались мне пророческими. По его мнению, тогда (речь о 50-х гг. прошлого века) Соединенные Штаты Америки представляли образец добровольной монолитности идеологии: все, или почти все, разделяли «американскую веру» в политическую демократию, верили в превосходство частного хозяйства по сравнению с государственным, и поддерживали культурный плюрализм, где главная роль отводилась англо-саксонской культуре. Весьма любопытно выглядела Франция. Там наблюдался, по мнению Н.Тимашева, почти безвыходный конфликт между шестью идеологиями: коммунистической, социалистической, католической, консервативной (на платформе радикализма), еще одной консервативной (представляющей эгоистические интересы мелкой буржуазии) и полуфашистской [14, с.209].

Иначе складывался умственный и духовный строй нашего народа. Он менялся по мере того, как менялись общественно-политические структуры и государственные идеи, на которые они опирались. Процесс исторической «перенастройки» ментальности обстоятельно описал В.Кантор [5, с.244-249]. Говоря кратко, речь шла о следующем. Если верить славянофилам, то мироощущение русских людей всегда связывалось с общинностью, соборностью и крепкой православной верой. Недавняя советская эпоха и ее идеологи триаду (православие, самодержавие, народность) заменили диадой (партийность и народность), закрепив, тем самым, славянофильскую идею, согласно которой роевое начало всегда противостояло гнилому Западу. Диаду расширяли под влиянием истории. Например, длительное время не без успеха, внушали психологию осажденной врагами (капиталистическое окружение СССР) крепости. Пафос будущего, которым была пронизана советская эпоха, властно толкал на путь социальной жертвенности. Здесь особый провиденциальный смысл и власть имели мечты о будущем, за которые бескомпромиссно сражались, и, если требовалось, шли на гибель.

Ядро идеологии составляла преданность делу партии и вера в единственно правильное непобедимое учение. Отсюда и утилитаризм всей идеологической платформы с ее центральным требованием к человеку – энергично функционировать во имя торжества коммунистической идеи, которое, в свою очередь было эквивалентом общенациональной идеи для СССР и играло роль несущей конструкции для советской ментальности.

Раскрепощение ума и души народа, избавление от тирании сталинской власти над сознанием обозначилось уже вскоре после окончания Великой Отечественной войны. «Никакое мыслимое противодействие, несогласие, инерция или эскапизм не имели не малейшей возможности организовать, определить какие-то позиции, тем более быть услышанным. Голос организованной силы выступает в качестве всеобщего, если он звучит в атмосфере молчания» [15, с.14]. Коллективность молчания не вызывает сомнений. Но даже и в этом, казалось бы, бесспорном случае, не исключается индивидуальная и групповая (в малых группах) рефлексия и выражение разных мнений. Вспом-

ним толкование слова *разнодумье* (по В. Далю) - различные мысли, заботы, дума, бродящая в голове, неодинаковые убеждения, помыслы, скорее всевозможные, всякие или всяческие (разг.), чем просто непохожие. Мостик к разномыслию прокладывается вполне естественным образом, если принять, что оптимизм уцелевших, минимально требовательных и кое в чем продвинувшихся (ядро классического советского общества) мог и должен был иметь альтернативой пессимизм выживших, максимально требовательных и ни в чем не преуспевших. Среди последних далеко не редко можно было встретить людей в принципе несогласных с устоями режима, хотя и вполне лояльных к нему. Российский историк Я.Лурье заметил, что эти люди становились «белыми воронами» в окружавшей их среде - провинциалами среди столичных представителей классических наук, «буржуазными спецами среди адептов исторического материализма, безродными космополитами среди патриотов - ученых 1940-х гг.[16, с.14]. Сознание (ментальность) «белых ворон» не приходило в ужас от эгалитарных последствий «социального переворота», совершенного Октябрьской революцией, но подлинной опасностью оно считало «крайнее усиление общественных уз, все яснее проступавший облик грозного Левиафана» [16, с.100].

Латентные подвижки индивидуального и группового сознания свидетельствовали о том, что у официальной идеологии в реалиях 50-х гг. обозначается серьезный неофициальный оппонент в лице так называемой «вольной идеологии», контуры которой весьма четко прорисовал Н.Тимашев, используя ряд доступных ему в ту пору (1953-1958 гг.) источников. Элементы этой идеологии были вычленены из нападок на «внутренних врагов», содержащихся в материалах советской прессы и в выступлениях советского официоза. Второй источник – меры советского правительства, предпринятые с целью «умиротворения народного неудовольствия». Третий источник – «еретические» мысли, проскальзывавшие преимущественно в советской литературе. Ряд идей извлечены «из серьезных обследований царящих в СССР настроений на основе показаний лиц, недавно оттуда выбравшихся» [14, с.216].

К целостному представлению о «вольной идеологии» Тимашев пришел на основе изучения эволюции марксизма в его ленинско-сталинском истолковании. Он зорко подмечает важный момент, когда в советской прессе в (1934 г.) появляется слово «Родина». Ведь русская история, которую Ленин приравнивал к тьме и к хаосу, с этого момента вдруг оказывается историей великого народа. «Русский народ велик потому, что дал миру Пушкина и Ленина» – так писалось в 1937 г., в год столетия со дня гибели поэта. Мировая победа коммунизма, считалось по-прежнему, не может не придти, но придет она под русским водительством, тогда как Ленин учил, что в случае победы коммунистической революции в Германии, к ней, как более индустриализованной стране перейдет руководство новым миром. Смерть Сталина не отменила догмы о неизбежности победы коммунизма, но новый лидер страны Хрущев утверждал, что это произойдет без войны, путем экономического соревнования. Националистическая примесь к интернационализму, внесенная Сталиным в советскую идеологию, была введена в более умеренные рамки. Например, русский патриотизм, особенно заостренный и актуализированный Сталиным в первые послевоенные месяцы, заменился патриотизмом советским, требующим лояльности не столько к национальным культурам, сколько к обществу строю, вдохновленному марксизмом в советизированной форме. Однако и после Сталина СССР остался государством, где официальная идеология провозглашалась как обязательная для всех.

Интересующий нас процесс «выветривания» партийно-государственных доктрин, а вместе с ним и расфокусировка советской ментальности, начались с уклонения от безоговорочного следования этому предписанию. Итогом невозмущающего власть послушания стали чаяния, пожелания и отвержения. В итоге обозначились контуры элементов разномыслия – «некоторой «вольной идеологии», противостоящей официальной и составляющейся из чаяний, пожеланий и отвержений, разлитых по неопределенным, но широким слоям населения [14, с.216]. Они составили основу «вольной идеологии». Партийные догмы при этом не отбрасывались, но в головах большинстве людей они подвергались прагматической переработке. Из них, писал Н.Тимашев, бралось то, что нужно для того, чтобы «нам было хорошо». В итоге у «вольной идеологии» не имелось философских обоснований, она не излагалась в виде законченной системы взглядов, но в любом случае выступала как форма отрицания ряда положений официальной идеологии и того, что во имя ее совершалось.

Тимашев реконструировал угаданный им феномен, представив его в виде пяти основных элементов. Первый элемент – широко разлитое отвержение коллективизации сельского хозяйства и реализация права частной собственности на землю. Второй – возврат к частному предпринимательству в розничной торговле и мелкой промышленности. Третий элемент вытекал из всеобщей ненависти к системе террора и связанному с ней отсутствием правовых гарантий для личности. Четвертый элемент – требование ограждения человека, граждан страны от произвольных актов власти. Сюда же входило требование свободы научного, литературного, музыкального и художественного творчества. Пятым и последним пунктом можно было обоснованно поставить религиозную терпимость. Наличие такого требования Тимашев выводил из неудач антирелигиозной кампании 1954 г., закончившейся принятием постановления ЦК КПСС о недопустимости насильственных действий, направленных к искоренению религии [14, с.217-219].

Случись этим пунктам быть выставленными в качестве политической программы, они сводились бы к требованиям заменить чисто государственное хозяйство смешанным и даровать некоторые свободы, к тому же обеспеченные гарантиями. Эта была прагматическая идеология, но желать большего было трудно, если принять во внимание атомизированность человеческой массы. К тому же, в отличие от официальной, вольная идеология не опиралась на организацию и не располагала аппаратом для пропаганды. Но она шла от жизни. Своим содержанием она обозначала идеологический конфликт, который будет продолжаться до поры, пока власть будет сохраняться в руках носителей официальной идеологии.

Конфликт этот неуклонно нарастал. Как известно, А.Амальрик, был первым советским гражданином, который в конце 60-х гг. заявил о том, что достигнута определенная точка в развитии идеократического государства. Наступил момент советской истории, когда понятие власти уже не соотносится ни с доктриной, ни с личностью вождя страны, ни даже с традицией, а только с властью как таковой [2, с.6]. Далее он писал о том, что в качестве альтернативы уходящей с исторической сцены идеологии уже существует Демократическое движение, опирающееся на альтернативные программы «подлинного-марксизма-ленинизма», «либерализма» и «христианской идеологии». Существенно, что уже в самом начале 70-х гг. оппозиционные течения обособились, персонифицировались с личностями, которые их наиболее ярко выражали (соответственно Р.Медведев, А.Сахаров, А.Солженицын). Эта триада имела важное значение. Она определила не только позиции и направления отдельных групп диссидентского движения. Как показало время, она во многом предвосхитила и отразила основные варианты исто-

рического выбора, над которыми в конце минувшего века задумались и продолжают мучительно думать в поисках нового Пути граждане России.

Выбор этот не прост (здесь я намеренно буду говорить об общегражданских заботах и долге, оставив в стороне задачи власти). Можно бросить все духовные и физические силы на спасение «русскости» и тогда Россия, сохранив православную ли, социалистическую ли самобытность, растворится в историческом небытии»; можно предпочесть универсальный индивидуализм, и тогда измененная, но сохраненная Россия обретет достойное для себя место в мире, встав на путь реального, а не иллюзорного развития - рассуждает В.Пастухов [17, с.63]. Но для этого на место «русской идеологии», мистической сутью которой всегда была «русская идея», должна придти просто идеология в общепринятом смысле.

Выше я не случайно сделал ссылку на Н.Тимашева, который «прозаически» определил идеологию как систему «крепко сложившихся и широко распространенных взглядов на должное и желательное в общественной жизни». Демистификация идеологии избавляет ее от иррациональности, лишает ее отвлеченного характера и внушаемого самообмана, который веками держал под замком энергию метаний русской души. К этому тезису (на базе более продвинутых, чем у Н.Тимашева, идей) нас возвращает Р.Гальцева [11-1]. Она вступает в полемику с представителями новой субдисциплины, возникшей на месте западной советологии, которые пытаются объяснить себе и другим загадочность и непредсказуемость событий современной российской истории, как бы не желающей подчиняться общим закономерностям мирового исторического процесса. Неудивительно, что в таких случаях в поисках залежей русского духа прибегают к Фрейдю, но тогда возникает необходимость изобретать русские факторы («ненависть к себе», государствовопклонничество, олицетворяющее «инфантильность», ребенок, «становящийся женщиной и самой пассивностью» и др.). Еще один прием – опора на богословие и гностицизм (истинное знание о боге и тайнах мироздания) и даже манихейство (учение о борьбе добра и зла, тьмы и света как изначальных и равноправных принципах бытия). Тогда возникают химерические образы нового Карфагена, страны, которая является врагом демократических порядков в мире, ищущей свой путь в опоре на ложь, жестокость и разные формы насилия.

Сторонники этих взглядов исторический феномен идеологии по инерции рассматривают как вечный спутник человеческого бытия подобно таким формам коллективного сознания, как мифология, вера, знания, либо отождествляют идеологию с одной из них, либо примешивают ко всем понемногу. «Между тем тотальная идеология, о которой здесь как раз и идет речь, имеет дело не с верованиями как таковыми (вера может быть лишь преходящим элементом в ней), не с метафизическими или религиозно-онтологическими идеями-принципами, не с научными концептами, а с идеями-замыслами, идеями-целями; это – новейшая системная организация идейного материала вокруг намеченной цели, это – логика идеи, идео-логика» [11-1].

Понятны, отсюда, причины, побудившие В.Пастухова поставить тяжелый диагноз современной идеологии общественных и государственных преобразований России, опирающейся на доктрины православия, коммунизма и либерализма. Идеологию нельзя придумать или угадать. Ее формирует не Кремль, а обстоятельства жизни государства, история. Поскольку Россия остается «ведомой» цивилизацией, постольку сравнение с Западом превращается в самостоятельный ракурс рассмотрения любой проблемы. Начинаются размышления о глубинной потребности следовать Западу. Противоречие не-

разрешимое – темпы роста зависят от типа нашей культуры, от русского культурного типа. Последний все еще ориентируется на надмирные цели, устремляется в будущее, в потусторонний мир абсолютных ценностей, несовместимых с посюсторонней жизнью и ее требованиями. Соответственно, идеология Запада носит практический характер, идеология России – символический. «Русская идеология статична, направлена на удержание и сохранение, а не на действие или созидание» [17, с.55].

Переход к общецивилизационным ценностям включает в себе много болезненного и тяжелого. Согласно Н. Бердяеву, переход от «старой цельности» к «небывшей жизни» лежит через «разложения и расщепление» ставшего органическим опыта разных эпох. Но все, что русские считают «национальными особенностями», как правило, присуще и другим народам, а все, что они хотят сделать «как все», выходит у них ни на что не похожим. К тому же думать и делать одновременно у нас не получается. По этой причине времена бесплотных исканий сменяются периодами бессмысленных преобразований [17, с.49].

«Возрождение великой державы» стало тем единственным символическим тезисом, на котором сходятся и либералы-западники, и коммунисты-патриоты, и поборники «святой православной Руси», - пишет в своем экспертном докладе Л.Гудков [18, с.4-5]. Правда, компоненты того, в чем именно заключается смысл национального «величия» державы, могут сильно различаться, как и средства достижения заветной цели, Но общая программная композиция не меняется, демонстрируя известную устойчивость во времени. Прозападно настроенные рыночники условие будущего процветания и мощи нового демократического государства, мировой державы (столь же развитой в экономическом отношении, как и другие члены «большой семерки»), видят в рынке. Коммунисты ностальгически вспоминают былую военную мощь, монолит государственного строя, общественную жизнь в СССР. Борцы за святую Русь уповают на соборность, духовность православной веры. Каждая из таких «идеологических программ» имеет своим стержнем идею «великой России». Но, употребляя слова «идеологических программ», Гудков не имеет в виду выработку каких-то новых ориентиров и политических целей. Скорее речь идет об артикуляции аморфных массовых представлений и клише, несущих на себе следы сильного влияния нерационализируемых ценностей и излишне нагруженных моральными оценками, внушающими неверие в мысль.

В самое последнее время дальнейшая поляризация трех «субидеологий» стала сопровождаться конфронтацией между ними. Начались «сшибки» ментальностей. Эмпирические исследования и СМИ свидетельствуют о том, что резко усилилось концептуальное неприятие капитализма, имеет место активная артикуляция национал-державных идей, пустил корни респектабельный шовинизм, на этот раз опирающийся на образование и высоко-интеллектуальную наблюдательность. Не далее как 14 января 2004 г. газета «Известия» писала: Немцов, Явлинский, Хакамада дали повод заметить кому-то, что они не вполне русские лица. Балерине Волочковой не понравилось имя-отчество директора Большого театра Иксанова (Тахир Гизальдиевич!)

Развивать эти сюжеты не входит в мои цели, но русская идеология продолжает порождать «мистические сущности» вроде «Большой идеи России», которая, по мысли ее проектантов (самой идеи еще нет, есть только представление о том, какой она должна стать), положит начало чуть ли не новой формации, а то и цивилизации.. Р.Гальцева мастерски представила чаемую Россию, какой она видится сквозь призму «Большой идеи» [11-2]. Уготовано быть ей постиндустриальной, основанной на некой самодея-

тельной морали, а также (полностью в духе М.Вебера) связанной с самодисциплиной, напряженным трудом и концентрацией сил. Еще одна опора - фундаменталистский потенциал Православия, который теперь уже не кажется исчерпанным, а характеризуется как «праздничное мирозерцание», сумевшее донести до нас «животворную энергетику языческого эроса». Да и роль православия теперь иная – служить не только благим антиподом для всего остального христианства, но также исходным образцом, эталоном для альтернативного западному русскому экономического порядка на основе варианта «монастырского социализма» с его отрицанием частной собственности и отказом от всякого имущества. Конкретные мишени «Большой идеи России» (напишет в заключение Р.Гальцева) - враждебный ее духу либерализм и Запад как прародитель либеральных идей.

Таким образом, вопрос о времени, когда русская идеология, русская культура и русская ментальность начнут ориентироваться на требования «посюсторонней» жизни, остается до известной степени открытым.

Русская (российская) ментальность как научная и практическая проблема

Еще В.О.Ключевский, напоминая отечественные историки [19, с.94], в пору своих нелегких раздумий об истоках российского пессимизма – неуверенность в себе, непреодолимый разрыв мысли и развития действительности – отмечал необходимость выработки «приборов, приемов и привычек» самонаблюдения и самосознания, аналитического сведения разрозненных наблюдений в целостную *ментальную* [курсив мой - Б.Ф.] картину. Однако проблема им поставленная перекочевала из XIX века в XX, а затем и в нынешний, но разрешить ее не удалось. Первый сдерживающий фактор - природа самого феномена ментальности, какой она постепенно представала сквозь призму многочисленных определений и комментариев. В них чаще всего шла речь о непроницаемости русской души, загадочности русского характера, эзотерических особенностях русского склада мышления и его стихии, об отторжении всякой оформленности, о неподатливости рационально-логическому упорядочиванию, алогичности и других чертах. Такого рода суждения традиционны и опираются на опыт восприятия и понимания ментальности дореволюционных и эмигрантских русских мыслителей (Г.П.Федотов, Ф.А.Степун, Н.О.Лосский, С.Л.Франк, Н.А.Бердяев и др.), а также на устойчивые, хотя и стереотипизированные в каком-то смысле, взгляды «старых» западных ученых и «примкнувших к ним» более поздних исследователей. Я отдаю дань уважения к этой традиции, и оспаривать те или иные утверждения не является целью статьи. В этих умозрительных конструкциях много важного, существенного, но, однако неподдающегося надежной верификации, если принять во внимание, что истинная, но трудно уловимая ментальность скрывается в лабиринтах и глубинных слоях не только общественного сознания, но и коллективного бессознательного.

Второй фактор - монолит советской идеологии подавил на многие десятилетия поиск разгадок русской ментальности. Но современно мыслящие зарубежные исследователи времени не теряли. Изучая официальную коммунистическую доктрину, они логикой самостоятельного и независимого научного анализа вышли на советский (русский) менталитет. Ими были предложены такие, теперь уже устоявшиеся в западном научном сознании, понятия, как National Identity (национальная идентичность), National Character (национальный характер), Soul (душа), Russiannes (русскость), National Idea (национальная идея). Исследования на базе этих понятий восполнили вынужденный вакуум изучения ментальности как определенного способа мышления и чувствования в

его целостности, всеохватности и многообразии. Итог этим плодотворным научным познавательным процессам подводится в обстоятельной работе А.Большаковой (Москва) «Феномен русского менталитета: основные направления и методы исследований», к которой я отсылаю интересующихся читателей [19, с.94-125]. Остается выразить сожаление, что в этой области не смогли преуспеть отечественные науки о человеке и обществе.

Совсем недавно мой один коллега по университету сказал, что упоминание ментальности в современном политическом (научном) дискурсе стало своеобразной гиперссылкой, к которой прибегают всякий раз, когда не могут или не хотят искать и находить решение возникающих общественных проблем. Политик (социальный исследователь) в таких затруднительных случаях воздевает глаза к небу, разводит руками, а затем произносит это таинственное слово, за которым, по его мнению, надежно спрячется разгадка противоречия. Феномен ментальности обладает властью над людьми, но число вопросов, которые в этом случае можно было бы задать, с давних пор на несколько порядков превышает число возможных ответов. И все же изучение ментальности больше чем мода. Присоединюсь к тем, кто убежден, что эта новая область исследований открыта для постановки новых проблем. В расплывчатости определений ментальности и форм ее бытия заключены определенные преимущества, например, возможность ухватывать в анализе “нечто”, ускользающее от других наук. Не таким ли путем шел М.Вебер, угадывая и открывая это “нечто непознанное, но существующее” (речь о духе капиталистической предприимчивости) в проявлениях «очевидного» (протестантской этики) [4, с. 40-41].

Этим тезисом французского историка Ж.Ле Гоффа я первоначально решил заключить свою статью, Однако события жизнь подсказали другой сюжет под занавес повествования. Приведу напоследок пророческие слова россиянина Г.Гачева. Словно зная, все, что с нами произойдет в сентябре 2004 года, он написал двумя годами ранее: «И не устаем разрушать и начинать!» А затем пояснил: виной тому - задушевная мечта русская - не останавливаться, начинать все сначала, даже жизнь, и ту - сначала! Потому «возникает в Логосе истерика биений и шараханий односторонних: сначала все почти полагают одно, затем уразумевают противоположное и проклинают первое...» [6]. Слова эти для меня - самый серьезный повод искать ключи к российской ментальности.

Литература:

- [1] Фирсов Б. Ментальные миры современного российского населения // Телескоп. - 2003.- N4. – С.4-9.
- [2] Фирсов Б. Ментальность россиян сдерживает развитие страны // Пути России: Существующие ограничения и возможные варианты / Сборник материалов Одиннадцатого ежегодного симпозиума (Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, 15-17 января 2004 г.) *в печати*
- [3] Вовель М., Гуревич А., Рожанский М. Ментальность // 50/50. Опыт словаря нового мышления. Под общ. ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. – М.: Прогресс – Пауот. 1998. С.454-463.
- [4] История ментальностей, историческая антропология Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 1996.
- [5] Кантор В.К. “...Есть европейская держава: трудный путь к цивилизации. Исторические очерки. М.: РОССПЭН, 1997.
- [6] Гачев Г. Космос, эрос и логос России // Отечественные записки, 2002, N3 (http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_32.html)
- [7] Померанц Г. Записки гадкого утенка.- М.: РОССПЭН, 2003.
- [8] Левада Ю. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российской трансформации. – Мониторинг общественного мнения, N1(63), январь-февраль 2003. – С.8-12.
- [9] Синявский А. Основы советской цивилизации. – М.: Аграф, 2001.

- [10] Зиновьев А. Русская судьба. Исповедь отщепенца. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000.
- [11-1] Гальцева Р. Тяжба о России. На рубеже столетий // Новый мир, 2002, N7 (http://magazines.rus.ru/novyi_mi/2002/7/gal.html).
- [11-2] Гальцева Р. Тяжба о России. На рубеже столетий // Новый мир, 2002, N8 ([http // magazines.rus.ru/novyi_mi/2002/8/gal.html](http://magazines.rus.ru/novyi_mi/2002/8/gal.html)).
- [12] Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Логос, 1996.
- [13] Берлин И. История свободы. Россия. - М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- [14] Тимашев Н. С. Две идеологии (Мысли о современном положении России) // Новый журнал. Книга ЛШ, 1958. - С.209-220.
- [15] Левада Ю. «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм // Мониторинг общественного мнения, N2 (52) март апрель.2001.- С.7-16.
- [16] Лурье С.Я. История одной жизни / Сост., примеч. и библиогр. Н.М.Ботвинник. - 2-е изд., испр. и доп.. - СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт.-Петербурге, 2004..
- [17] Пастухов В.Б. Конец русской идеологии. Новый курс или новый Путь? // ПОЛИС, 2001, N1.- С.50-63.
- [18] Гудков Л. Русский “неотрадиционализм” и сопротивление переменам // Отечественные записки, 2002, N3 ([http:// magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_09.html](http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_09.html)).
- [19] Российская ментальность: методы и проблемы изучения. – М.: Институт российской истории РАН, 1999.